

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ

HISTORICAL ASPECTS OF SECURITY

УДК 316.3

АЛТАЙСКАЯ РУСЬ: К ИСТОРИИ НАРОДНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИОННОЙ «ПРОТИВОРАСКОЛЬНИЧЕСКОЙ» ПОЛИТИКЕ ИМПЕРСКОГО РЕЖИМА

В.А. Должиков

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: dolshikov@yandex.ru*

С современных методологических позиций освещается уникальный исторический опыт формирования в горных местностях Русского Алтая большой территориальной общины «каменщиков», системообразующее ядро которой составляли крестьяне-мигранты до северорусских областей, являвшиеся по своему вероисповеданию православными старообрядцами. Цель исследования состоит в том, чтобы подчеркнуть значение свободы как базовой мировоззренческой ценности, органически присущей данному этноконфессиональному сообществу и позволявшей с успехом действовать в неблагоприятных политических условиях. Подчеркивая свободолюбие отцов-основателей Алтайской Руси, автор статьи доказывает, что именно это качество человеческого капитала русских старообрядцев позволило им не только выдержать длительное противостояние экспансии крепостнического режима, но и развивать свою экономику в рыночном, предпринимательском направлении. Особое внимание уделяется хозяйственным успехам этой народной колонии, принципам организации местного самоуправления, коллективистским взаимоотношениям, образу жизни, культуре и морали крестьян-старообрядцев Алтайской Руси. В заключительном разделе статьи автор останавливается

на итоговых результатах этого феноменального эксперимента и формулирует вывод о том, что сопротивление алтайских первопроходцев дискриминационной политике имперского режима не было бесплодным. Воля к свободе помогла им сохранить свою относительную самостоятельность в качестве автономной общинно-волостной территории, существовавшей впоследствии фактически вне рамок юрисдикции горнозаводского императорского ведомства.

Ключевые слова: Русский Алтай, Беловодье, дискриминация, старообрядцы, свобода, народная колонизация, имперский режим.

ALTAI RUSSIA: ON THE HISTORY OF NATIONAL RESISTANCE TO THE DISCRIMINATION “ANTI-RASKOL” POLICY OF THE IMPERIAL REGIME

V.A. Dolzhikov

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: dolshikov@yandex.ru*

On the basis of modern methodological positions, the article highlights the unique historical experience of the formation of a large territorial community of “bricklayers” in the mountainous areas of the Russian Altai, the system-forming core of which was the peasants migrated from northern Russian regions who were Orthodox believers in their religion. The purpose of the study is to emphasize the importance of freedom as a basic ideological value, organically inherent in this ethno-confessional community and allowing them to successfully operate in adverse political conditions. Emphasizing the love of freedom of the founding fathers of Altai Russia, the author argues that it is this quality of human capital of the Russian Old Believers that allowed them not only to withstand the long-term opposition to the expansion of the serf regime, but it also allowed to develop their economies in a market-oriented, entrepreneurial manner. Special attention is paid to the economic success of this people’s colony, the principles of organization of local self-government, collectivist relationships, lifestyles, culture and morality of the peasant Old Believers of Altai Russia. In the final section of the article, the author dwells on the final results of this phenomenal experiment and formulates the conclusion that the resistance of the Altai pioneers to the discriminatory policy of the imperial regime was not fruitless. The will to freedom helped them to maintain their relative autonomy as an autonomous communal-volost territory, which subsequently existed in fact outside the jurisdiction of the mining and imperial department.

Keywords: Russian Altai, Belovodie, discrimination, Old Believers, freedom, people’s colonization, imperial regime.

Укажу сразу, что вынесенное в заголовок метафорическое словосочетание «Алтайская Русь» позаимствовано у выдающегося исследователя и патриота края Георгия Гребенщикова, взгляды которого на предмет и объект исследования во многом совпадают с методологическими ориентирами автора статьи (Гребенщиков, 1990). В этом смысле автор полностью солидарен с современным отечественным исследователем Б.П. Кутузовым, который полагает, что «русская история может быть правильно осмыслена лишь с позиций старообрядчества...» (Кутузов, 2008: 5). Тем более что в прошлом территория южных предгорных и горных регионов Алтая отличалась высокой концентрацией русского населения, исповедовавшего именно традиционалистское, староверческое православие. «Алтайский край почти сплошь раскольнический, — отмечал дореволюционный историк протоиерей Д.Н. Беликов, — православные, или, по раскольническому выражению, „мирские“ составляют здесь редкость, но и они, если принадлежат к исконным сибирякам, заражены старообрядческой „закваской“» (Беликов, 1901: 1, 7, 28). Несмотря на наличие многочисленных работ, посвященных различным аспектам истории освоения Алтая русскими старообрядцами, в научном отношении данная тема остается актуальной еще и потому, что дискриминационный подход к явно доминировавшему конфессиональному и этническому большинству в составе населения края до сих пор не преодолен. В имеющихся публикациях, даже современных, авторы зачастую избегают называть старообрядцев православными, именуют их «раскольниками» и даже «сектантами». Это само по себе несправедливо, так как имеет мало общего с исторической действительностью.

В благодатных речных долинах южной Сибири пассионарной частью великорусского этноса в XVII–XVIII вв. была предпринята стихийная попытка реализации вековой народной мечты о свободной «Земле и Воле». Сюда бежали, спасаясь от государственного опричного террора, первые русские крестьяне-землепроходцы. Свообразным маяком для них служил миф о Беловодье — стране мужицкого рая, где «молочные реки и кисельные берега». Легенда эта, как полагают некоторые авторы, распространялась в народном сознании еще с XIV в. Она имела двоякий смысл, указывая, с одной стороны, на конкретный географический признак — наличие долин с множеством рек и ручьев белого цвета (Белослюдов, 1916; Чистов, 1962; 116). С другой стороны, координаты мифической страны четко соотносились с древнерусским толкованием слова «белый» — синонима понятия «свободный» (Даль, 2010; 71). На старорусском языке глагол «обелить» значит «освободить». Отсюда, например, — этимологические корни таких названий, как «беломестная слобода» и «беломестцы». Под последними подразумевались лица, освобожденные за особые заслуги перед государством лично или потомственно от некоторых повинностей или податей, в отличие от зависимых, тяглых или «черных» людей (Богуславский, 2004; Чистов, 1962; 166).

При текстуальном анализе мифа о Беловодье историки и этнографы акцентируют внимание, как правило, на его социально-утопическом характере. В свою очередь, автор статьи придерживается иной версии происхождения этого мифа, связывая его с мечтой о свободе, утраченной северорусским земским сообществом

во второй половине XVI века в результате опричного погрома, инициированного Иваном IV Грозным (1560-е гг.).

Именно плодородные предгорья и горные долины Алтая, как замечает С.И. Гуляев, русские первопоселенцы «...называли прежде «Беловодьем», что означало «край вольный, обильный всеми житейскими потребностями, и удобный для поселения в каких угодно местах». А до той поры, пока здесь не закрепились еще имперская администрация, «многие жители северо-восточных областей (европейской) России по следам промышленников-звероловов приходили туда целыми обществами». Вольные земледельческие поселения здесь основывали, подчеркивает Гуляев, по преимуществу крестьяне, «придерживающиеся старообрядчества» (Гуляев, 1845). Данное обстоятельство замалчивали те исследователи, которые опирались на так называемую марксистскую методологию, унаследовавшую от прежней официальной историографии казенно-бюрократическую, этатистскую версию заселения региона русскими крестьянами. Вольнонародный характер первоначальной колонизации Верхнего Приобья ими традиционно не признавался, зато всячески преувеличивалась роль агентов императорского режима в освоении природных ресурсов края (Булыгин, 1974: 44; Булыгин, 1999)

Момент перелома для русских крестьян-первопоселенцев наступил, когда богатые рудные месторождения Алтая — а в первую очередь серебро в качестве дефицитного в то время для казны «валютного» драгоценного металла — оказались в сфере повышенного внимания со стороны государственной власти. Не располагая еще достаточными финансовыми ресурсами, правительство вынуждено было в 1726 г. предоставить монопольное право на строительство здесь рудников и заводов талантливому организатору горнодобывающей промышленности А.Н. Демидову. Для развертывания многоотраслевого производственного комплекса на Алтае требовалась рабочая сила, причем в большом количестве. Поэтому Демидов получил от власти своего рода карт-бланш на принудительное использование труда освоившихся здесь к тому времени «самовольных» русских поселенцев. Ему были даны необходимые полномочия на приписку, т.е. фактически на закрепощение жителей окрестных деревень, как учтенных всероссийской ландратской ревизией 1719–1721 гг., так и «пришлых, кои живут в лесах... и шатающихся по селам дворцовых, и монастырских, и помещичьих людей, и крестьян, кои в подушный оклад не написаны». Все они принуждались к работам на демидовских предприятиях, а их тогдашний владелец обязывался за них платить подушный оклад (Булыгин, 1999: 7–8). Неудивительно, что эта мера вызвала волну протеста у крестьян-старообрядцев, бежавших ранее от крепостничества до северных областей европейской России.

Сопrotивлявшиеся старообрядческие скиты, потеряв надежду на свободную жизнь, предпочитали крепостническому игу добровольное коллективное самосожжение (Пулькин, 2013: 52–63). С.И. Гуляев полагал, что «иные сожигались, обманываемые иступленными фанатиками своими старцами-учителями» (Гуляев, 1845). Но в действительности мотивы самосожжений старообрядческих общин глубже и сложнее. Не в пресловутом «фанатизме» состояла главная причина таких актов отчаяния. Хотя, конечно, среди преданных забвению отцов-основателей Алтайской

Руси были ревностные проповедники апокалиптической формы протеста. Еще «огненный протопоп» о. Аввакум, и сам впоследствии сгоревший не по доброй воле в огненной купели, внушал подобную мысль своим сторонникам. Нравственно-психологический смысл «гарей», по справедливой оценке Н.М. Никольского, связан был с основной идеей старообрядчества о Зле, которое возобладало в русском мире после роковых решений Поместного собора 1666 года. Если уж Зло настагает беглецов и здесь, в «земле обетованной», выход остается один — бегство от земной жизни. Только так, уходя в недостижимую высь, утверждали проповедники народной Церкви Свободы, можно спасти свою бессмертную душу (Никольский, 1983: 172). Понятно, что далеко не каждый до обычных людей мог решиться на такое. Акт огненного спасения выбирали для себя лишь самые непримиримые и твердые приверженцы старообрядческого православного традиционализма. Оставшиеся в живых, а таких было подавляющее большинство, стремились уйти подальше на юг и юго-восток Алтая, в глухие и пока недоступные для горнозаводского начальства местности.

Тяга старообрядцев русского Алтая к свободе увенчалась созданием в середине XVIII в. в горной Бухтарминской долине большой территориальной общины «каменщиков» (Гуляев, 1845; Принтц, 1867; Бломквист, Гринкова; 1930), общественная и хозяйственная жизнь которых строилась на принципах коллективистской солидарности, самоуправления и самоорганизации. Это была, говоря словами Г.Н. Потанина, своеобразная «республика русского духа» (Потанин, 1977: 35). Основали ее бежавшие от принудительного труда и чиновничьего произвола мастеровые, не желающие идти в рекруты молодые крестьяне до подзаводских приписных сел, дезертировавшие от постылой муштры солдаты, недавние каторжники и ссыльно-поселенцы. Однако социальное ядро Алтайской Руси составили активные адепты народного, староверческого православия. Среди «каменщиков» они пользовались большим авторитетом и уважением «за образ жизни скромный» и «знание грамоты». По оценке С.И. Гуляева, «причины побегов их заключались в том, чтобы свободно отправлять обряды своего толка, и что по толкованиям своих «старцев» — учителей для спасения душ необходимо удаляться в места пустынные и необитаемые: поелику-де в мире распространилось царство антихриста...». Но это верно только по отношению к «ядерному» составу формировавшейся общины. Остальные беглецы пробирались в дальние горы с несколько иной целью: «одни дабы освободиться от своих обязанностей (*т.е. от принудительных заводских и рудничных работ или от рекрутчины.* — Прим. В.Д.), — сообщает исследователь, — другие от наказания, все для житья по своей воле, беспошлинной меновой торговли с инородцами и звериного промысла». В целом же волостная община «каменщиков» (русских горцев) состояла до «людей, любивших жизнь, не ограниченную надзором власти» (Гуляев, 1845).

Абсолютное их большинство — это недавние крестьяне поморских северорусских областей (Чистов, 1962; 166), бежавшие от наступающих крепостнических порядков. «Весь этот люд, — отмечал социолог-народник Н.М. Зобнин, — сложился в общество «каменщиков», с особыми порядками и собственными неписанными, но

строго исполнявшимися законами» (Зобнин, 1894: 51). В повседневной хозяйственной жизни они руководствовались принципами реального, а не мнимого коллективизма, так как «сохранили, — фиксирует С.И. Гуляев, — многие хорошие качества русского народа; были надежные товарищи. Делали взаимные пособия друг другу, особенно же помогали всем неимущим припасами, семенами для посева, земледельческими орудиями, одеждою и прочим» (Гуляев, 1845). И все это при заимочно-захватном способе поземельного расселения, когда крестьянские семейные усадьбы находились в двух-трех верстах одна от другой (Гребеншиков, 1990: 6).

Со временем экономика бухтарминцев по необходимости стала предпринимательской. Вначале основным источником, благодаря которому могли удовлетворяться потребности общины в жизненно необходимых товарах, был пушной промысел. Меха выполняли функцию основного платежного средства в торговых отношениях с китайскими, а позднее и российскими купцами. «Мягкое золото» сбывалось в обмен на металлические изделия, порох, ткани, соль и прочее особыми доверенными лицами — «гостями», избиравшимися на общих собраниях (Гуляев, 1845). Наличие в общине алтайских «каменщиков» народных сходов и выборов, кстати говоря, указывает на бережное сохранение ими северорусских (новгородских) вечевых социально-политических традиций.

Много лет спустя уже Н.М. Ядринцев обратил внимание на сформировавшийся многоотраслевой, а главное, товарно-рыночный характер сельского хозяйства местных крестьян-старообрядцев. Помимо пашенного земледелия, скотоводства, охоты на пушных зверей и рыболовства, по его наблюдениям, «во всех деревнях развито пчеловодство, есть хозяева, имеющие до 1000 колодок». Причем «они вывозят мед даже на продажу в среднюю Сибирь». Вообще, как Ядринцев заметил во время своей экспедиции 1880 г., «бухтарминцы славятся своим пчеловодством и сплавляют мед по Иртышу до Омска около 8000 пудов и воска до 500 пудов». Упоминались в его заметках и соседние с Русским Алтаем приграничные территории Китайской (Цинской) империи, куда отправлялся мед на продажу или в обмен на готовую одежду и ткани (Ядринцев, 1886; 28). К тому времени алтайские старообрядцы успешно приручили и начинали разводить благородных оленей — маралов. Характерно, что они экспортировали олени рога (панты), «продающиеся в Китай на лекарство, стоимостью до 80 руб. пара». По данным Ядринцева, «эта новая ветвь скотоводства создана в Алтае русским крестьянством». Прибыльной и перспективной отрасли хозяйства «каменщиков» он специально посвятил более позднюю по времени статью, очень содержательную в информационном отношении (Ядринцев, 2009).

Житейские конфликты, возникавшие иногда между «каменщиками», рассматривались на волостном сходе. Решающее слово на них оставалось за «лучшими людьми», которых соседский общинный коллектив наделял властными полномочиями. «Лучшие люди, — разъясняет С.И. Гуляев, — как известно, суть зажиточные, семейные, хорошей нравственности крестьяне в деревне». По его же определению, «это аристократы или патриции мирской общины, дела которой решаются ими на сходках» (Гуляев, 1845). Алтайским каменщикам, что бесспорно, удалось решить проблему самоуправления, воссоздавая традиционную земскую организацию вы-

борной общественной власти, которая формировалась «снизу» до наиболее авторитетных представителей крестьянского коллектива.

Определенный интерес представляют методы борьбы с уголовными преступлениями, хотя и редко, но случавшимися в общине. Такие происшествия обычно выносились на суд «лучших людей». Их мнение по существу дела «уважалось не менее законной власти и происходило на словах». Сама процедура судебного разбирательства носила гласный и оперативный характер. При выяснении обстоятельств совершенного преступления, вынесения и исполнения приговора строго соблюдался принцип коллегиальности, т.е. общинный суд являлся по-настоящему народным, скорым и справедливым. Правда, способ наказания, определяемый осужденному нарушителю общественного порядка, был, по современным меркам, все-таки варварским. Обычно приговор сводился к битью плетьюми либо палками, а количество ударов назначалось «по важности проступка». Так, некто А. Вершинин, подвергавшийся уже ранее многократному публичному битью за кражи личных вещей у односельчан, был приговорен к самой крайней мере наказания: его посадили на бревенчатый плот, ноги заколотили накрепко в два выдолбленных отверстия, дали небольшой запас еды и шест для управления плотом, а затем пустили вниз по реке Белой. Миссия исполнителя приговора вручалась речной стихии. Судьи напоследок сказали: «если-де может выплыть (т.е. выйти куда), то и счастлив, а если потонет, того будет и достоин» (Гуляев, 1845). Выносившие приговор, судя по всему, руководствовались каноническим постулатом, согласно которому Бог — это и есть высший судья любого человека.

«Связанные одинаковою участью, одним образом жизни, отчужденные от общества, — замечает Гуляев, имея в виду внешний, оказенившийся до предела мир бюрократической России, — каменщики составляли какое-то братство, несмотря на различные верования» (Гуляев, 1845). Действительно, ведь основавшие общину старообрядцы принадлежали к определенным согласиям (толкам). В силу этого, казалось бы, между ними не могли возникнуть прочные добрососедские взаимоотношения. Однако, хотя внутри согласий строго соблюдался запрет на общение со сторонниками других вероучений в молитве или трапезе, тем не менее подобное табуирование не препятствовало их мирному сожительству. Право на инакомыслие каждого как норма уважалось всеми. Феноменальная веротерпимость, свойственная «каменщикам», неизменно вызывала и продолжает вызывать большой научный интерес у отечественных исследователей.

Ресурс исторического времени, отведенный социальному эксперименту алтайских «каменщиков», оказался невеликим. Тем не менее они продержались на межграницном пространстве двух империй — Цинской и Российской — около полувека. Причем основатели общины в критический момент, не дожидаясь полного разгрома, предпочли самоликвидацию политической независимости своего коллектива на максимально выгодных условиях. «Всегдашняя боязнь от преследования пограничных начальств; неуверенность в своем положении, отчуждение принадлежавших к православному вероисповеданию от церкви; посылки в Алтайские горы партии для исследования рудных приисков и открытия новых рудных месторожде-

ний; наконец, предполагаемая постройка крепостей и форпостов в Бухтарминском крае» — так определял С.И. Гуляев мотивы, побудившие их в 1791 г. обратиться к императорскому правительству с ходатайством о добровольном возвращении в российское подданство (Гуляев, 1845). При этом «каменщики» проявляли отнюдь не фанатизм, а напротив, политическую дальновидность и реалистическое понимание окружавшей их нерадостной действительности.

Императрица Екатерина II приняла в основном их условия. Русские горцы Бухтарминского края не были заново прикреплены к заводам и рудникам, чего больше всего опасались. Их волостная община принималась в подданство империи на льготных правах «инородцев» с ежегодной уплатой ясака вместо полагавшейся им, так сказать, «по штату» двойной подушной подати. Они сохраняли автономию в управлении собственной общественной жизнью и получали относительную независимость от местной горнозаводской администрации. Социальный статус бухтарминцев определялся в рамках существующей государственной системы по аналогии с казачеством. Они должны были выполнять обязанности пограничной иррегулярной службы (Принтц, 1867; 556).

Итак, самая любопытная коллизия, обусловленная возвращением в лоно Российского государства «каменщиков», — это их фактическое признание метрополией особой, «инородческой» этноконфессиональной общностью. Следовательно, конечный результат многолетнего народного сопротивления алтайских крестьян-старообрядцев оказался достаточно плодотворным. Но в выигрыше была и государственная центральная власть: благодаря мудрой политике императрицы Екатерины II произошла мирная инкорпорация в состав России новой обширной и богатой разнообразными ресурсами территории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Белослюдов А. К истории «Беловодья» В кн.: Записки ЗСО РГО. Т. XXXVIII. Омск, 1916. С. 32–35.
- Богуславский В. Беломестная слобода В кн.: Славянская энциклопедия. XVII век. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
- Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П. Бухтарминские старообрядцы. Л.: Изд.-во АН СССР, 1930.
- Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974.
- Булыгин Ю.С. О роли раскольников-старообрядцев в первоначальном заселении и освоении русскими людьми Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. В кн.: Старообрядчество: история и культура. Сборник научных статей. Барнаул: Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 1999. С. 6–23.
- Гребенщиков Г.Д. Алтайская Русь: Историко-этнографический очерк. Барнаул, 1990.
- Гуляев С.И. Алтайские каменщики. Санкт-Петербургские ведомости. 1845. 5 февраля.

Гуляев, С.И. Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские ведомости, 1845, 7 февраля.

Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо, 2010.

Зобнин Н.М. Приписные крестьяне на Алтае. В кн.: Алтайский сборник. Вып. 1. Томск, 1894. С. 1–75.

Кутузов Б.П. Ошибка русского царя: византийский соблазн. М.: Алгоритм, 2008.

Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987.

Потанин Г.Н. Письма. В 4-х т. Т. 1. Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1977.

Принтц А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. В кн.: Записки РГО. По общей географии (отделениям географии физической и математической). Т. I. СПб., 1867. С. 543–582.

Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII — XIX в.). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013.

Чистов К.В. Легенда о Беловодье. В кн.: Труды Карельского филиала АН СССР. Т. 35. Петрозаводск, 1962. С. 116–181.

Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе. В кн.: Записки ЗСО РГО. Кн. XXV. Омск, 1898. С. 1–64.

Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая. Земледелец, дипломат и воин. В кн.: Сибирский сборник. Кн. 1. СПб.: 1886. С. 2.

Ядринцев Н. М. Сведения о мараловодстве в Алтае. В кн.: Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков. Т. 3. Барнаул: АКУНБ, 2009. С. 95–100.

REFERENCES

Beloslyudov, A. (1916). K istorii «Belovod'ya» [About the history of «Belovodye»]. In: *Zapiski ZSO RGO*. T. XXXVIII (pp. 32–35). Omsk.

2. Boguslavskiy, V. (2004). Belomestnaya Sloboda. In: *Slavyanskaya entsiklopediya [The Slavic Encyclopedia]*. XVII century. M., OLMA-PRES.

Blomkvist, Ye.E., Grinkova, N.P. (1930). *Bukhtarminskiye staroobryadtsy* [Old Believers from Bukhtarma]. L.: Izd.-vo AN SSSR.

Bulygin, Yu.S. (1974). *Pervyye krest'yane na Altaye [First peasants in Altai]*. Barnaul: Alt. kn. izd-vo.

Bulygin, Yu.S. (1999). O roli raskol'nikov-staroobryadtsev v pervonachal'nom zaselenii i osvoyenii russkimi lyud'mi Verkhnego Priob'ya v pervoy polovine XVIII v. [The role of Raskolniks in the initial resettlement and land development in the Upper Priobye by Russian people in the first half of the XVIII century]. In: *Staroobryadchestvo: istoriya i kul'tura*. Sbornik nauchnykh statej [The Old Belief: history and culture. Collection of scientific papers] (pp. 6–23). Barnaul: Izd-vo Barnaul. ped. un-ta.

Grebenshchikov, G.D. (1990). *Altayskaya Rus': Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Altai Russia: historic-ethnographic essay]. Barnaul.

Gulyayev, S.I. (1845). Altayskiye kamenshchiki [Altai masons]. *Sankt-Peterburgskiyе vedomosti*, 5 fevralya.

Gulyayev, S.I. (1845). Altayskiye kamenshchiki [Altai masons]. *Sankt-Peterburgskiyе vedomosti*, 7 fevralya.

Dal', V.I. (2010). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. M.: Eksmo.

Zobnin, N.M. (1894). *Pripisnyye krest'yane na Altaye* [The attached peasants in Altai]. In: *Altayskiy sbornik* [Altaycollection]. Vyp. 1. (pp. 1–75). Tomsk.

Kutuzov, B.P. (2008). *Oshibka russkogo tsarya: vizantiyskiy soblazn* [Failed Russian Tsar: Byzantine temptation]. M.: Algoritm.

Ocherki istorii Altayskogo kraya [Essays about the history of the Altai]. (1987). Barnaul: Alt. kn. izd-vo.

Potanin, G.N. (1977). *Pis'ma* [Correspondence]. V 4-kh t. T. 1. Irkutsk: Vost.-Sib. knizh. izd-vo.

Printts, A. (1867). Kamenshchiki, yasachnyye krest'yane Bukhtarminskoy volosti Tomskoy gubernii i poyezdka v ikh seleniya i v Bukhtarminskiy kray v 1863 g. [Bricklayers, yasak peasants of the Bukhtarma volost of Tomsk Governorate and visit to their settlements in the Bukhtarma krai in 1863]. In: *Zapiski RGO. Po obshechey geografii (otdeleniyam geografii fizicheskoy i matematicheskoy)*. T. I. [Notes of the Russian Geographical Society]. (pp. 543–582).SPb.

Pul'kin, M.V. (2013). *Samosozhzeniya staroobryadtsev (seredina XVII — XIX v.)* [Old-Believers self-immolations]. M.: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke [Russian foundation for education and science].

Chistov, K.V. (1962). Legenda o Belovod'ye [The legend about Belovodye]. In: *Trudy Karel'skogo filiala AN SSSR* [Works of the Karel Branch of the Academy of sciences of the USSR]. T. 35. (pp. 116–181)Petrozavodsk.

Shmurlo, E. (1898). Russkiye poseleniya za yuzhnym Altayskim khrebtom na kitayskoy granitse [Russian settlements beyond the Altai ridge at the Chinese border]. In: *Zapiski ZSO RGO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Kn. XXV. (pp. 1–64). Omsk.

Yadrintsev, N.M. (1886). Raskol'nich'i obshchiny na granitse Kitaya. Zemledelets, diplomat i voyn [Raskolniks' communities at the Chinese border]. In: *Sibirskiy sbornik*. Nauchno-literaturnoye periodicheskoye izdaniye [Siberian collection. Scientific edition]. Kn. 1. (p. 2). SPb.

Yadrintsev, N.M. (2009). Svedeniya o maralovodstve v Altaye [Information on the red deer farming in Altai]. In: *Altay v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII — nachala XX vekov* [Altai in the works of scientists and travelers in the XVIII — the beginning of the XX centuries]. T. 3. (pp. 95–100) Barnaul: AKUNB.